

Глава 17

Десять часов полета остались позади. Ступив на землю и включив телефон, Чэнь Шан почувствовал легкий укол разочарования: от Цинь Шу не было ни единого сообщения.

Зато уведомления в соцсетях горели ярким красным пятном. Он лениво открыл «Моменты» — под их общей фотографией уже скопилась куча лайков и комментариев.

Сунь Хао: «Да хватит уже, а?!»

Отец-герой: «Работай усерднее!»

Деловые партнеры желали удачи и слали дежурные поздравления.

Лента пестрела смайликами и подарками, и лишь один комментарий выбивался из общей канвы: «Любовь напоказ долго не живет!»

Чэнь Шан, не раздумывая, отбрил: «Это те, у кого любви нет, долго не живут. Тебе ее явно не хватает». После чего отправил доброжелателя в черный список и удалил комментарий. Он выставлял чувства на обозрение ради добрых слов и лайков, а не для того, чтобы слушать карканье всяких неудачников.

Обновив страницу и убедившись, что теперь лента сияет гармонией, Чэнь Шан довольно улыбнулся. Он еще пару минут полюбовался снимком, а затем заглянул в профиль Цинь Шу.

В ту же секунду его сердце пропустило удар.

Страница Цинь Шу всегда была образцом лаконичности. Последний пост там появился в тот день, когда они ужинали в клубе «Шэнши Чаоян», и картинку с текстом тогда выбирал сам Чэнь Шан.

И вот, спустя столько дней, та запись наконец перестала быть одинокой.

Цинь Шу выложил ту же самую фотографию из аэропорта, но подпись была иной: «Смерть и жизнь, разлука и встреча — я дал тебе слово; возьму тебя за руку, и мы вместе состаримся!»

В стране D стоял полдень. Солнце светило ярко, но его лучи не обжигали — совсем как романтика Цинь Шу: сдержанная, своевременная и бесконечно глубокая.

Раздался звонок. Чэнь Шан взглянул на экран и просиял.

Вот он, человек, которого он выбрал. С виду ко всему равнодушный, а на деле — хранящий в сердце каждую мелочь, что касается их двоих.

В конце июня, когда до расставания оставались считанные дни, староста организовал прощальный вечер для выпускников. После общего объявления в группе он лично написал Цинь Шу, настаивая на его присутствии.

Честно говоря, Цинь Шу совсем не горел желанием идти. Он перевелся совсем недавно и толком никого не знал. Однако староста проявил такое рвение, что отказ выглядел бы неоправданным высокомерием.

На филологическом факультете девушек всегда было в избытке. В их группе на тридцать девять человек приходилось всего семеро парней. Стоило Цинь Шу переступить порог арендованного зала, как он тут же об этом пожалел.

Но бежать было поздно. С каменным лицом Цинь Шу позволил увлечь себя в самый центр, чувствуя себя Танским монахом, по ошибке забревшим в логово паучих-оборотней.

Четвертый курс — время, когда девичья скромность отходит на второй план. Кто на факультете не был тайно влюблен в Цинь Шу? Мысль о том, что после выпуска пути разойдутся навсегда, заставляла девушек отбросить все приличия.

Говорите, у него есть пара? И это мужчина? Кого это волнует! Нужно действовать сейчас, другого шанса не будет.

Когда первая девушка подошла к нему с признанием, Цинь Шу поначалу растерялся. Он тщательно подбирал слова, боясь ранить чувства сокурсницы. Но вскоре процесс превратился в механическую рутину. Цинь Шу впервые осознал, каково это — быть «инструментом» для излияния чужих эмоций.

Остальные парни сначала завидовали, потом злились, а под конец просто впали в ступоре. В итоге они решили просто наблюдать за этим зрелищем, хохоча до упаду.

Холодный отличник перед лицом признаний выглядел так, будто принимал соболезнования на похоронах. Что это было — трагедия или комедия?

Кто-то из любителей хайпа заснял эту сцену на видео и выложил в сеть. В конце концов, проделав извилистый путь через общих знакомых, запись оказалась в телефоне Чэнь Шана.

Поначалу Чэнь Шан скептически отнесся к словам Сунь Хао: «Глянь, какую годноту нашел». Но когда увидел своего Цинь Шу в осаде влюбленных девиц, его сердце внезапно наполнилось

нежностью.

Сунь Хао даже снизошел до похвалы:

— У твоего Цинь Шу выдержка как у святого.

— Не говори так, — отозвался Чэнь Шан.

Сунь Хао оживился:

— Неужели он всё-таки дал слабину?

Чэнь Шан улыбнулся:

— Мой Цинь Шу куда лучше любых святых.

Сунь Хао тут же вышел из чата, не желая продолжать разговор. Чэнь Шан лишь хмыкнул — ясно же, что друг просто завидует. Кому нужны эти покупные интрижки, когда есть настоящее чувство?

Он взглянул на лицо Цинь Шу на экране, и его захлестнула волна неистовой тоски. Чэнь Шан никогда не подавлял свои желания: раз скучаешь — позвони.

С тех пор как он устроил сцену из-за того, что Цинь Шу сбросил его звонок, тот больше никогда не обрывал связь первым. Если Цинь Шу не брал трубку в течение тридцати секунд, значит, был действительно очень занят, но перезванивал при первой же возможности. Это молчаливое понимание сложилось само собой.

Когда Чэнь Шан позвонил, Цинь Шу был в самом разгаре сборов. Они обменялись парой фраз, договорившись созвониться уже из аэропорта.

Цинь Шу предстояла дальняя поездка. Хэ Миньфан брал его и Ли Суйин в экспедицию в один из приграничных городов. Там при раскопках обнаружили партию древних артефактов, среди которых были стелы с надписями, представлявшими огромную ценность для истории. Профессора Хэ пригласили как ведущего эксперта в этой области.

На месте руководитель археологической группы ввел их в курс дела:

— Захоронение обнаружили случайно после оползня. К моменту прибытия специалистов время для идеальной консервации было упущено, погребальная камера частично пострадала. Большинство документов, проливающих свет на личность владельца, уничтожено. Мы лишь

можем с уверенностью сказать, что это эпоха правления императора Чжу Хоучжао, девиз правления — Чжэнфэнь.

Археолог нахмурился:

— Есть одна странность. Судя по масштабам работ, статус покойного был невелик, однако количество и качество погребальных даров поражает. Многие предметы соответствуют уровню императорских подношений...

Работа продвигалась быстрее, чем ожидалось, и вклад Цинь Шу в это дело был неоценим. В конце концов, то, что для профессора Хэ было историей, для Цинь Шу — частью прожитой жизни.

Император У-цзун в юности был умен, но со временем пристрастился к забавам. Став правителем, он и вовсе пустился во все тяжкие, собирая вокруг себя фаворитов. Во время своего «южного похода» он встретил прекрасного певца по имени Ян Чжи и даровал ему имя Янчжи Юй — «Белый Нефрит».

Император души в нем не чаял и велел следовать за своим кортежем на север. Однако в пути юноша занемог и скончался. У-цзун, сокрушаясь о том, что юноша умер вдали от родного дома, приказал с почестями похоронить его на родине, не скупясь на дары.

Но поскольку фаворит мужского пола — фигура не совсем официальная, отсутствие упоминаний в хрониках было вполне объяснимо.

Цинь Шу сделал этот вывод, опираясь на обрывки слухов того времени и обилие безупречного белого нефрита в гробнице. В эпоху Мин ценились хотанский нефрит и жадеит. Гробница была полна сокровищ, при этом в ней не нашли никаких камней, кроме «бараньего жира» — редчайшего белого нефрита. Это было более чем красноречиво.

Когда главная загадка была решена, остальное предоставили профессионалам. Цинь Шу, честно говоря, не питал нежных чувств к раскопкам чужих могил, даже под предлогом их защиты.

Хэ Миньфан, напротив, был полон энтузиазма. Он хотел позвать Цинь Шу с собой на нижние уровни, но, узнав, что его младший ученик всерьез подумывает о том, чтобы просто засыпать всё обратно, решил отпустить его на волю. В конце концов, молодежь еще не понимает ценности древностей — потом ведь придется покупать билет и смотреть на это через стекло в музее.

Ли Суйин тоже не горела желанием лезть под землю. Старина Хэ, опасаясь, что его младший ученик, не знающий жизни, может стать жертвой мошенников в этом приграничном городке, велел ей присмотреть за ним.

Цинь Шу, слыша эти наставления, едва сдержал ироничную улыбку. Если кто-то и рискнет его обмануть, то это будет верный способ отправиться на свидание к предкам до восьмого колена.

В итоге профессор махнул рукой:

— Идите, погуляйте!

Ли Суйин была только рада. Она как раз увидела в ленте новостей интересную новость, и её сердце загорелось любопытством.

— Младший брат, ты когда-нибудь слышал о «ставках на камни»?

Торговля необработанным нефритом, или «ставки на камни», стала популярной еще в эпоху Цин, и это было белым пятном в познаниях Цинь Шу. Заметив, что он отрицательно покачал головой, Ли Суйин заговорщицки прошептала:

— Не хочешь испытать удачу?

Цинь Шу видел, что старшей сестре самой до смерти хочется попробовать. Ему и так было неловко, что она вынуждена тратить на него время, поэтому он согласно кивнул.

<http://bllate.org/book/16121/1584696>